

Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
Исторический факультет

На правах рукописи

Юдин Николай Вадимович

**Патриотический подъем в странах Антанты (июль 1914-май 1915):
сравнительный анализ**

Раздел 07.00.00 – исторические науки
Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель:

Романова Екатерина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБУ ВПО «МГУ имени М.В. Ломоносова», исторический факультет

Официальные оппоненты:

Сергеев Евгений Юрьевич,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, ФГБУН Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра «XX век: социально-политические и экономические процессы»

Сенокосов Алексей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, заместитель руководителя Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения

Ведущая организация:

ФГБУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Защита состоится 11 декабря 2013 года в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д 501.002.12 по всеобщей истории при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет, ауд. А416. С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27).

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
Кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная историческая наука, отражая тенденции, характерные для развития научного знания в целом, отличается стремлением к расширению традиционной проблематики исторических исследований, привлечению методов и подходов, разработанных в смежных дисциплинах, междисциплинарности. Эти тенденции не обошли стороной и изучение теории и истории международных отношений¹. Одновременно возрастает интерес к изучению «человеческого» измерения тех или иных исторических событий и явлений, прежде всего, связанных с радикальными социальными потрясениями и переломами. Неудивительно поэтому, что именно изучение социально-психологического опыта воюющих обществ является в настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений и в зарубежной и в отечественной историографии Первой мировой войны.

Актуальность обращения к подобной проблематике объясняется тем, что колоссальное, многообразное и противоречивое воздействие, которое Первая мировая война оказала на последующее развитие европейских государств, обществ и западной цивилизации в целом, остается еще во многом неизученным. В то же время, без изучения этого воздействия невозможно правильно понять и оценить ни современные социальные процессы, ни современные международные отношения. Так, именно Первая мировая война открыла «век масс» в европейской истории, тем самым предопределив специфический облик современного западного общества и заставив по-новому взглянуть на проблему взаимосвязи внутренней и внешней политики отдельного государства. С этой точки зрения, анализ социально-психологических процессов, характеризовавших реакцию населения европейских стран на события Первой мировой войны, дает возможность не только приблизиться к пониманию мировоззрения людей той эпохи, но может послужить также и отправной точкой для изучения современных проблем мировой политики.

Объектом данного исследования выступают общества в метрополиях Англии и Франции, а также европейской части Российской империи, прежде всего ее центральных и западных губерний. Таким образом, исследование охватывает самые важные в политическом, социальном и экономическом отношении области, которые в наибольшей степени отражали специфические характеристики рассматриваемых стран.

¹ Введение в теорию международных отношений. М., 2001. С. 112.

Предметом диссертационного исследования является патриотический подъем в странах Антанты в 1914 – первой половине 1915 гг.

Целью диссертации является определение характера и сущности коллективных ценностей и идентичностей, которые были присущи рассматриваемым обществам и которые лежали в основе этого подъема.

Поставленная цель потребовала решения ряда **задач**:

1. Проанализировать процесс складывания общественного консенсуса по вопросу о войне в странах Антанты как необходимой предпосылки для патриотического подъема, выявить общие тенденции в этом процессе и его специфические черты в каждой из рассматриваемых стран;

2. Изучить роль средств массовой информации в поддержании патриотического подъема, проанализировать ключевые сюжеты, мотивы и образы пропаганды в странах Антанты, выявить какие коллективные ценности и способы самоидентификации лежали в ее основе;

3. Определить границы общественного консенсуса по вопросу о войне в каждом из трех рассматриваемых государств; проанализировать, каковы были ценности и мотивация отдельных социальных групп;

4. Проследить внутреннюю эволюцию в отношении населения к войне, выявить факторы, оказывавшие влияние на общественные настроения, постараться оценить степень их воздействия в связи с развитием боевых действий, особое внимание уделяя при этом не только эмоциональной, но и функциональной форме реакции;

Хронологические рамки диссертации охватывают период с июля 1914 г. по май 1915 года. В качестве нижней хронологической границы выступает Июльский кризис в международных отношениях, ставший прологом Первой мировой войны. Именно в ходе Июльского кризиса в странах Антанты шел интенсивный процесс складывания общественного консенсуса по вопросу о войне, заявили о себе особенности внутривосточной ситуации в каждой из стран, задавшие границы и определившие характерные черты патриотического подъема в последующие месяцы, проявилась специфика положения и роли СМИ в той или иной стране.

Верхняя хронологическая рамка – май 1915 г. И современники, и исследователи отмечают, что весна 1915 г. характеризовалась кардинальным изменением в отношении к

войне со стороны правящих элит и широких слоев общества в странах Антанты. Для России это время ознаменовалось началом тяжелого отступления русской армии на Восточном фронте, которое сопровождалось обострением социально-политической обстановки в тылу. Аналогичная ситуация наблюдалась во Франции и в Англии. Весной 1915 г. политическое затишье во Франции, символом которого стал лозунг «священного единения», фактически закончилось. В Англии в результате обострения противоречий между консерваторами и стоявшими у власти либералами 26 мая 1915 г. формируется коалиционное правительство. Все эти процессы свидетельствовали, что военный энтузиазм первых месяцев войны все больше уходил в прошлое, перед воюющими государствами все острее вставали проблемы поддержания внутренней стабильности.

Из этого утверждения вовсе не следует вывод, что патриотический подъем в странах Антанты уже весной 1915 г. окончательно ушел в прошлое. Практически полностью сошли на нет публичные шумные проявления военного энтузиазма. Тем не менее, население стран Антанты продолжало в целом лояльно нести военное бремя, консенсус, лежавший в основе патриотического подъема, сохранялся. Скорее можно говорить о том, что к весне 1915 г. в полной мере проявились его специфические черты в каждом из рассматриваемых государств, а значит, мы можем решить поставленные в данном исследовании задачи и приблизиться к пониманию его природы и сущности.

Методологическая основа работы. Изучение настроений в воюющих обществах периода Первой мировой войны и реакции современников на невиданные военные потрясения неизбежно ставит перед исследователями целый комплекс методологических проблем. В этой связи особый интерес представляют концепции ученых, придерживающихся конструктивистской методологии². Конструктивисты утверждают, что для полноценного понимания сущности и внутренних пружин развития системы международных отношений в тот или иной период времени необходимо обратиться к изучению коллективных представлений, способов самоидентификации, ценностей и идей, которые составляли социальную основу внешнеполитических курсов и стратегий государств, входивших в рассматриваемую систему. Подобный подход открывает перспективы для комплексного

² Гидденс Э. Устройство общества. Очерки теории структуризации. М., 2003; Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Relations. Vol. 46. 1992. № 2. P. 391-425; Idem. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. Vol. 41. 1987. № 3. P. 335-370; Kratochwil F., Ruggie J.G. International Organization: A State of the Art on an Art of the State // International Organization. Vol. 40. 1987. № 3. P. 753-775.

анализа социально-психологического опыта воюющих обществ периода Первой мировой войны, включения его в общий контекст развития международных отношений той эпохи.

Важно подчеркнуть, что конструктивистский подход является, прежде всего, аналитическим теоретико-методологическим построением. Он служит методом для изучения конкретно-исторических явлений, феноменов, но не содержит предсказаний относительно того, какие специфические формы структур и отношений будут характерны для этих феноменов. Эти конкретные формы должны устанавливаться и определяться для каждого отдельно взятого случая, конкретного периода или региона.

Мы исходим из **гипотезы**, что ключевую роль в формировании коллективных представлений и способов самоидентификации в европейских обществах периода Первой мировой войны играли исторически длительные процессы национального строительства, складывания национальных идентичностей. Это не значит, что представления о национальной идентичности были единственными, определявшими самовосприятие европейских обществ; они сосуществовали и взаимодействовали с другими разнообразными идентичностями, как индивидуальными, так и коллективными (политическими, религиозными и т.д.). Однако их распространение являлось общей тенденцией, характерной как для Англии и Франции, так и для России, что создает основу для их сравнения и сопоставления.

Устоявшегося определения понятий «нация», «национализм» в современной науке не существует. На наш взгляд, одним из наиболее перспективных подходов к их определению на сегодняшний день является концепция, предложенная чешским историком и политологом М. Хрохом. Он трактует нацию как «большую социальную группу, цементируемую не одним, а целой комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и их субъективным отражением в коллективном сознании»³. Главным достоинством концепции М. Хроха, на наш взгляд, является то, что в ней равным онтологическим статусом наделяются и социально-экономические, объективные, факторы, и факторы субъективные, связанные с коллективными ценностями, способами самоидентификации той или иной социальной общности. Подобный подход открывает широкие перспективы для действительно всестороннего анализа феномена нации.

³ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 122.

Феномен национализма мы будем определять вслед за Э. Хобсбаумом как принцип, согласно которому для населения того или иного государства политический долг по отношению к этому государству является самым важным, требующим в экстренных случаях подчинения себе всех прочих общественных обязанностей⁴. С этой точки зрения патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны является ярким и однозначным проявлением национализма в действии.

Источниковая база работы представлена широким кругом источников, которые можно разделить на несколько групп. В первую группу следует отнести неопубликованные архивные документы отечественных и зарубежных архивов, многие из этих документов вводятся в научный оборот впервые. Так, в работе над диссертацией широко использовались материалы французских архивов. Для раскрытия темы данного исследования особое значение представляют донесения французских префектов о настроениях во вверенных им департаментах, хранящиеся во французском Национальном архиве⁵. Донесения префектов позволяют осветить очень широкий круг проблем: складывание и особенности национального консенсуса во Франции в начале Первой мировой войны, его эмоциональное и функциональное проявления, отношение населения к цензуре и пропаганде, формы благотворительности, проявления шпиономании. Не меньший интерес представляют и другие документы французского МВД: сводки о настроениях в среде политически неблагонадежных лиц (социалистов, анархистов, пацифистов, роялистов); многочисленные вырезки из левых газет, прежде всего «Юманите» и «Батай синдикалист»⁶. Благодаря этим материалам МВД мы можем восстановить настроения, царившие среди французских левых в начале Первой мировой войны.

Также широко привлекались документы из архива французского Министерства иностранных дел⁷. В поле зрения французских дипломатов находился широкий круг вопросов, связанных со взаимоотношениями с союзниками по Антанте, внутривосточной обстановкой и настроениями населения в этих странах. В Париже пристально следили за колебаниями общественных настроений в Российской империи, особенно в

⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

⁵ Archives nationales [Далее – AN]. F. 7. 12934, 12936-12939.

⁶ AN. F. 7. 12495, 12911, 13055, 13074, 13195, 13333, 13335-13337, 13348, 13349, 13371, 13571.

⁷ Archives du Ministère des affaires étrangères [Далее - AMAE]. Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Guerre 1914-1918. Russie. Vol. 641, 757; Guerre 1914-1918. Grande Bretagne. Vol. 534-536; Guerre 1914-1918. Dossier général. Vol. 1-9; Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Nouvelle série. Russie. Vol. 4, 22, 23, 42, 72; Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Nouvelle série. Grande Bretagne. Vol. 21, 22; Maison de la presse 1914-1928. Information, propagande.

периоды обострения международной ситуации и неудач русской армии весной 1915 года. В документах МИДа освещены перипетии политической борьбы в английском кабинете министров во время Июльского кризиса, показана их связь с изменением отношения широких масс населения Англии к ситуации на континенте и перспективе участия страны в войне.

Отечественные неопубликованные документы представлены материалами крупнейших российских архивов. Так, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) содержится целый ряд материалов, проливающих свет на внутривнутриполитическую обстановку в Российской империи в годы Первой мировой войны. Особый интерес представляют разнообразные документы Министерства внутренних дел: ведомственные циркуляры, отчеты сотрудников полиции и жандармских чинов, распоряжения по организации контрразведывательной деятельности, наблюдению за социалистами, рабочими, крестьянами⁸. В поле зрения сотрудников МВД попадали самые разные вопросы, от проведения мобилизации на местах, до наблюдения за различными благотворительными организациями. Специального упоминания заслуживают документы V отделения Особого отдела Департамента полиции МВД, представляющие собой перлюстрацию писем подданных Российской империи⁹. Они дают объемную и противоречивую картину реакции населения на начало новой войны и участия в ней России. Материалы Особого отдела Департамента полиции дают возможность проследить динамику в отношении общественного мнения Российской империи к Первой мировой войне.

Широко привлекались материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), прежде всего телеграммы русских послов в Париже и Лондоне¹⁰ и обзоры русской и иностранной печати, подготовленные сотрудниками МИДа¹¹. Донесения послов служат ценным источником сведений о перипетиях межсоюзнических отношений накануне и в начале Первой мировой войны и общественных настроениях в Англии и Франции в этот период. Обзоры печати представляют собой краткое изложение содержания

⁸ Государственный архив Российской Федерации [Далее – ГАРФ]. Ф. 63. Оп. 34. Д. 1015; Ф. 58. Оп. 7. Д. 310-334, Оп. 9. Д. 317. Оп. 10. Д. 207; Ф. 217. Оп. 1. Д. 472, 1153, 1154, 1207; Ф. 219. Оп. 1. Д. 95, 96, 108; Ф. 6281. Оп. 1. Д. 178.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967, 976-980, 992-1021; Ф. 102. Оп. 267. Д. 40.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи [Далее – АВПРИ]. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 118, 120, 132. Т. 1, Д. 216; 1914 г. Д. 8, 9 Т. 1-2., Д. 10, 59, 60, 356, 378; 1915 г. Д. 5, 10; Ф. 138. Оп. 467. 1912-1914 гг. Д. 323/327.

¹¹ Там же. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587, 588.

ведущих отечественных (столичных и провинциальных) и зарубежных (английских, французских, немецких) газет. Они позволяют ознакомиться с большой и репрезентативной выборкой печатных изданий, получить представление о том, какие сюжеты оказывались в центре внимания средств массовой информации в тот или иной период.

Информация о положении дел в союзных державах содержится также в донесениях военных агентов и послов в Париже и Лондоне, проходивших через канцелярию генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба и хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)¹².

Активно использовались опубликованные дипломатические и партийные документы и стенограммы заседаний представительных органов в Англии, Франции и Российской империи¹³. Данные источники позволяют изучить мировоззренческие установки различных групп политических элит; проанализировать специфические черты их реакции на начало боевых действий, особенности патриотического подъема и консенсуса по вопросу о войне в странах Антанты.

В дополнение к архивным и опубликованным документам в работе над диссертацией широко привлекались материалы средств массовой информации, представленные, главным образом, публикациями наиболее влиятельных, близких к правящим кругам ежедневных газет: «Новое время», «Таймс», «Ган», «Фигаро», «Матен» и другие. Обращение к материалам официальной прессы открывает перспективы для изучения особенностей пропаганды в странах Антанты периода Первой мировой войны, коллективных ценностей и идентичностей, лежавших в ее основе. Также использовались материалы либеральных английских журналов «Контемпэреери ревью»¹⁴, «Экономист»¹⁵ и «Фортнайт-

¹² Российский государственный военно-исторический архив [Далее – РГВИА]. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3434, 3436, 3375.

¹³ Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 года. Хутор Тихорецкий, 1914; Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. Пг., 1914; Протоколы центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2-3. М., 1997-1998; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916. М., 2002; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний центрального-комитета. В 2 т. Т. 2. 1907-1915. М., 2000; Программные документы политических партий России в дооктябрьский период. М., 1991; Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995; Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 2.: Первая мировая война: Документы и материалы. М., 2002; Lowe C. J., Dockrill M. L. The mirage of Power. British foreign policy 1902-14, Vol. 1. London. 1972; Parliamentary Debates. Official Report. House of Commons. Ser. V. Vol. 65-72. London, 1914-1915; Annales de la Chambre des députés. 11 Législature. Débats parlementaires. Session de 1914. Т. 2. Paris, 1915.

¹⁴ The Contemporary Review. Vol. 103-104. 1913; Vol. 105-106. 1914; Vol. 107. 1915.

¹⁵ The Economist. Vol. 76-77. 1913; Vol. 78-79. 1914; Vol. 80. 1915.

ли ревью»¹⁶. Ценность этих журналов как источников по теме диссертации заключается в том, что их публикации позволяют полнее изучить особенности настроений и мировоззрения политической элиты Англии.

Помимо периодической печати мы обратились к изучению памфлетов, которые получили самое широкое распространение после начала войны и являлись еще одним средством влияния на общественные настроения в странах Антанты¹⁷. Памфлеты служат важным источником для изучения особенностей пропаганды, ее образов и сюжетов.

Наконец, источники личного происхождения представлены широким массивом воспоминаний современников событий Первой мировой войны: политиков, дипломатов, генералов и военачальников, офицеров, солдат, представителей интеллигенции (поэтов, писателей, журналистов, философов), крестьян и рабочих¹⁸. Отдельно следует упомянуть мемуары антантовских политиков, дипломатов, военных агентов¹⁹. С точки зрения рас-

¹⁶ The Fortnightly Review. Vol. 93-94. 1913; Vol. 95-96. 1914; Vol. 97. 1915.

¹⁷ Агнивцев Н.Я. Под звон мечей. Пг., 1915; А.Р. Вильгельм II – угроза гуманности и цивилизации. Киев, 1914; Андреев Л.Н. В сей грозный час. Пг., 1915; Бай де. Дело Вильгельма. М., 1915; Он же. Мировой германский вопрос. М., 1915; Он же. Нравоучения войны. М., 1915; Беляев А.А. По поводу современной войны. Сергиев Посад, 1915; Бешеный Вильгельм. М., 1914; Бутру Э. Германия и война. Пг., 1914; Викторов С.М. Вековая борьба славянства с миром германским. Киев, 1914; Вильгельм кровавый. История последних дней. М., 1914; Виноградов П.Г. Россия на распутье. М., 2008; Демчинский Б. Сокровенный смысл войны. Пг., 1915; Джурович Д.П. Немцы и славяне. Минск, 1916; Назаревский Б. Война за правду. Как началась великая европейская война? М., 1915; Немецкий страх перед «Русской опасностью». Как объясняют сами немцы истинные причины войны? М., 1914; Оссендовский А.М. Великое преступление. Пг., 1915; Резанов А.С. Немецкие зверства. Пг., 1915; Страхов П. Зло Германии и его религиозно-философские причины. М., 1915; Brailsford H.N. Belgium and “the Scrap of Paper”. London, 1915; Idem. The Origins of the Great War. London, 1914; Dontenville J. Après la guerre. Les Allemandes. Paris, 1915; Lanson G. Culture allemande, humanité russe. Paris, 1915; Wells H.G. The War that Will End War. London, 1914; Wettstein G. La crise européenne. La guerre, ses causes, ses résultats, la Cour d'arbitrage, l'armistice, etc., au point de vue neutre et objectif. Lausanne, 1914.

¹⁸ Арамилов В. В дыму войны. М., 1930; Черкасов И.Т., Костерин А.Е. Повесть о простых людях. М., 1957; Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Л., 1926; Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: по следам войны. М., 1998; Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1926; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990; Он же. Очерки русской смуты. М., 2003; Джунковский В.Ф. Воспоминания, 1905-1915. Т. 2. М., 1997; Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. М., 2009; Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 2001; Бубнов А.Д. В царской ставке: мемуары адмирала Российского флота. СПб., 1995; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914-1917. Мн., 2004; Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005; Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000; Врангель Н.Н. Дни скорби. СПб., 2001; Гиппиус З. Петербургские дневники. М., 1990; Заблудовская Р.М. Франция, 1914-1919 годы. Париж, 1920; Розанов В.В. Последние листья. М., 2000; Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Волконский С. Родина. М., 2002; Barthes L. Les carnets de guerre de Louis Barthes, tonnelier. 1914-1918. Paris, 1981; Alexandre J.-R. Avec Joffre d'Agadir à Verdun. Paris, 1932; Joffre J. Memoires du marechal Joffre, 1910-1917. T. 1. Paris, 1932; Gallieni J.S. Memoires du marechal Gallieni, défense de Paris. 25 août-11 septembre 1914. Paris, 1928; Bloch M. Memoirs of War. 1914-1915. London, 1980; Graves R. Goodbye to All That. London, 1929; Pares B. Day by Day with the Russian Army. 1914-1915. London, 1915; Barnard Ch.I. Paris War Days. Boston, 1914; Gibbs P. L'âme de la guerre. Paris, 1916; Idem. Ten Years After: A Reminder. London, 1924; Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell, 1914-1944. Toronto, 1968.

¹⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 2001; Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993; Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн., 2002; Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Мн., 2003; Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955; Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2002; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991; Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. М., 1927; Эррио Э. Из прошлого. М., 1958; Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. Vol. 1. London, 1923; Malcolm I. War Pictures behind the Lines. London, 1915; Lloyd George D. War memoirs. Vol. I. 1914-1915. Boston, 1933;

крытия темы диссертации особый интерес представляют их наблюдения за реакцией населения стран Антанты на начало Первой мировой войны. Анализ этих воспоминаний позволяет получить представление о роли и значении общественного мнения в формировании внешне- и внутривластного курса правительств, особенно в период резких и масштабных потрясений, таких как Июльский кризис 1914 г.

Степень изученности проблемы. Традиционно события Первой мировой войны изучались в рамках военной, политической, дипломатической, социально-экономической истории. В советской историографии в силу идеологических факторов особое значение придавалось развитию рабочего и социалистического движения во время войны, его роли в последующих революционных событиях в Европе*. Проблематика «человеческого измерения» Первой мировой войны сравнительно недавно стала объектом пристального внимания зарубежных, а затем и отечественных, исследователей. В то же время, сама подобная постановка вопроса – обращение к изучению социально-психологического опыта обществ в воюющих странах периода Первой мировой войны – была во многом подготовлена развитием историографии в рамках традиционных исследовательских направлений²⁰. Например, уже в 30-е гг. XX в. французский историк П. Ренувен сформулировал проблему моральной подготовленности населения великих держав в 1914 г. к большой войне²¹. По его мнению, активное обсуждение в прессе гонки вооружений и полемика вокруг новых военных законов не только порождали у современников чувство тревоги, но и укрепляли в сознании современников идею о перспективе скорой войны²². Он также поставил вопрос о влиянии общественных настроений в той или иной стране Антанты на

Riddell G. The Riddell Diaries, 1908-1923. London, 1986; Asquith H.H. Memoirs and Reflections, 1852-1927. Vol. 2. Boston, 1928; Grey E. Twenty-five Years, 1892-1916. Vol. 2. London, 1935.

* Подробнее с основными подходами и концепциями историографии Первой мировой войны можно ознакомиться в следующих статьях: Писарев А.Ю. Новые подходы к изучению Первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 1993. № 3; Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 2001. № 3; Васюков В.С. К историографии внешней политики России в годы Первой мировой войны (1914-1917) // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М. 1994.

²⁰ Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны. М., 1961; Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны, 1908-1914. М., 1962; Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.). М., 1964; Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; Bestuzhev I.V. Russian Foreign Policy, February-June 1914 // 1914: The Coming of the First World War. New York, 1966; Beaverbrook W.M.A. Politicians and the War, 1914-1916. London, 1968; Wilson T. The Downfall of the Liberal Party, 1914-1935. Ithaca, 1966; Medlicott W.N. Contemporary England, 1914-1964. New York, 1967; Wohl R. French Communism in the Making, 1914-1924. Stanford, 1966; Hazlehurst C. Politicians at War. July 1914 to May 1915. London, 1971; Marwick A. The Deluge. British society and the First World War. New York, 2006.

²¹ Renouvin P. La crise européenne et la Grande guerre (1904-1918). Paris, 1934. P. 152.

²² Ibid. P. 152.

процесс формирования их внешнеполитических курсов, отметив специфические черты, присущие публичной сфере каждой из трех держав²³.

Во многом поворотным с точки зрения разработки подходов к изучению «человеческого измерения» Первой мировой войны стал 1977 год. Именно тогда вышло фундаментальное исследование французского историка Ж.-Ж. Беккера, посвященное реакции французского общества на начало Первой мировой войны²⁴. С этого момента изучение «человеческого измерения» войны становится полноправным и независимым направлением в западной историографии. Опираясь на широкий массив архивных документов и материалов прессы, Ж.-Ж. Беккер продемонстрировал сложность и неоднозначность отношения современников к разразившейся войне, поставил вопрос о разнице в восприятии событий лета 1914 г. представителями различных социальных, политических, возрастных групп. Он решительно выступил против идеи, что патриотический подъем, энтузиазм были основными формами реакции обществ на начало Первой мировой войны. По мнению Ж.-Ж. Беккера, война явилась для подавляющего большинства людей той эпохи полной неожиданностью и вызвала, по его мнению, в первую очередь чувства подавленности, страха и тревоги²⁵.

В 1980-1990 гг. комплекс вопросов связанных с реакцией людей «поколения 1914 года» на мировую войну и «человеческим» измерением этого конфликта стал предметом оживленных дискуссий. В работах этого периода был подробно освещен широкий круг проблем: влияние внутривнутриполитических и социальных конфликтов на мировоззрение людей той эпохи, значение гонки вооружений и экономических факторов в определении взглядов правящих кругов, отношение к войне различных социальных, политических, гендерных и возрастных групп населения; много внимания уделено изучению особенностей пропаганды военного времени и мобилизации общественных настроений²⁶. Одно-

²³ Ibid. P. 153-156.

²⁴ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.

²⁵ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre... P. 259.

²⁶ Idem. La population française face à l'entrée en guerre. // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990; Ibid. Keiger J.F.V. Britain's "Union Sacrée" in 1914; Herrmann D.G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996; Stevenson D. Armaments and the Coming of War: Europe, 1904-1914. London, 1996; Leed E.J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979; Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford, 1979; Stevenson J. British Society, 1914-45. London, 1984; Stromberg R.N. Redemption by War. The Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982; Bond B. War and Society in Europe, 1870-1970. Bungay, 1984; Liddle P.H. Voices of War. London, 1988; Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914-1918. London, 1982; Mayeur J.-M. La vie politique sous la Troisième République. Paris, 1984; MacKenzie J.M. Propaganda and Empire. The manipulation of British Public Opinion, 1880-1960. Manchester, 1985; Sweet D. The Domestic Scene: Parliament and People // Home Fires and Foreign Fields. London, 1985; Bourne J.M. Britain and the Great War, 1914-1918. New York, 1989; Mon-

временно обнаружилась тенденция к своего рода «нормализации» и «банализации» социального и психологического опыта 1914 года²⁷. Дж. М. Уинтер пишет, что ничего необычного в реакции населения стран Антанты на начало войны не было, и, например, наплыв добровольцев в армию в Англии полностью объяснялся традиционным комплексом причин: стремлением к приключениям, притягательностью военной формы, перспективой неплохого заработка, альтруизмом²⁸.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в новейших исследованиях. Все чаще начинает ставиться под вопрос сам факт существования патриотического подъема как широкого общественного настроения²⁹. Историки начинают писать о «мифе 1914 года». Данные исследования представляют собой важный этап в развитии историографии Первой мировой войны, поскольку позволяют отойти от традиционных утверждений о всеобщей шовинистической истерии в европейских державах в связи с началом войны. Но они чреваты впадением в другую крайность: искажением уникального психологического климата, ярко заявившего о себе в странах Антанты осенью 1914 г. Тенденция к «нормализации» опыта 1914 г. ведет к сглаживанию противоречий между европейскими государствами накануне Первой мировой войны, нивелированию роли национализма в формировании мотивации ее рядовых участников.

В отечественной историографии конец 1990-х – 2000-е гг. стали периодом активного изучения «человеческого измерения» Первой мировой войны³⁰. Стабильно растет чис-

tant J.-C. L'organisation centrale des services d'informations et de propagande du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre. // Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990; Robert J.-L. The Image of Profiteer // Winter J.M., Robert J.-L. Capital Cities at War. Paris, London, Berlin, 1914-1919. Cambridge, 1997; Gullace N.F. Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // American Historical Review. 1997, June. Vol. 102. № 3; Audoin-Rouzeau S. Children and Primary Schools of France, 1914-1918 // State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997.

²⁷ Winter J.M. The Experience of World War I. Edinburg, 1988; Winter J.M., Baggett B. 14-18: Le grand bouleversement. Paris, 1997; Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. Paris, 1997.

²⁸ Winter J.M. Op. cit. P. 118.

²⁹ Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006; Loez A. 14-18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris, 2010; Idem. La Grande guerre. Paris, 2010; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.

³⁰ Костриков С.П. Россия в Первой мировой войне. М., 2000; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004; Кострикова Е.Г. Российский МИД в борьбе за европейское общественное мнение в годы Первой мировой войны // Россия в XIX-XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 2002; Она же. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны, 1908-1914. М., 2007; Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг. Тамбов, 2005; Хмелевская Ю.Ю. Британия в 1914-1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы межвузовской научной конференции. Самара, 10-11 декабря 2004 г. Са-

ло диссертационных исследований, посвященных этой проблематике³¹. Появляется целый ряд сборников статей и монографий подготовленных Российской ассоциацией историков Первой мировой войны и Институтом всеобщей истории Российской академии наук³². О морально-психологической атмосфере в европейских обществах накануне Первой мировой войны пишут, с опорой на донесения русских военных агентов, Е. Ю. Сергеев и Ар. А. Улуян³³. Много внимания изучению реакции населения стран Антанты на события Первой мировой войны, анализу патриотического подъема и консенсуса, установившихся в этих странах, уделяют Б. И. Колоницкий³⁴, А. В. Ревякин³⁵, А. Ю. Прокопов³⁶, С. В. Тютюкин³⁷, Е. С. Сенявская³⁸, В. В. Миронов³⁹, С. Н. Базанов⁴⁰. В российской науке эта проблематика является сравнительно новым, молодым направлением исследований, в котором еще не сложилось четко оформленных школ. Внимание ученых привлекают вопросы политической культуры правящей элиты империи Романовых, государственной

мара, 2005; Сдвижкова Д.А. Идеи ненасилия в образованных слоях Германии и России накануне Первой мировой войны // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М., 2000.

³¹ Аюпов А.А. Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны.: Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008; Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: Дисс... канд. ист. наук. Брянск, 2006; Сенокосов А.Г. Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу (1907-1914): Дисс... канд. ист. наук. М., 2005; Забелина Н.Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны.: Дисс... канд. ист. наук. М., 2011; Смирнова И.В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914-1918 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 2011; Цыкалов Д.Е. Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны: июль 1914 – февраль 1917 г.: Дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2003; Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914-1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2008.

³² Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: документы и материалы. М., 2002; Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М., 2008; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914 – февраль 1917 гг. М., 2011.

³³ Сергеев Е.Ю., Улуян Ар. А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003.

³⁴ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика» Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

³⁵ Ревякин А.В. Франция: «Священное единение» // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Он же. Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Он же. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М. 2008.

³⁶ Прокопов А.Ю. Британская империя: общество и вызовы войны // Мировые войны XX в. В 4 кн. Кн. 1. М., 2005; Он же. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М. 2008.

³⁷ Тютюкин С.В. Патриотический подъем в начале войны // Мировые войны XX в. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1. М. 2008.

³⁸ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX в.: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

³⁹ Сенявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свой» и «чужие» // Мировые войны XX в. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2002.

⁴⁰ Базанов С.Н. Патриотический подъем в российском обществе в начале Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. М., 2006.

идеологии и национальной политики, партийной борьбы и менталитета самых широких слоев населения⁴¹.

С точки зрения изучения последней проблемы отдельного упоминания заслуживают работы О. С. Поршневой⁴². На базе широкого привлечения архивных источников, в том числе региональных, она воссоздает сложную картину отношения российских крестьян и рабочих к разразившейся войне⁴³. Выводы О. С. Поршневой представляют большое значение для темы данного исследования, поскольку позволяют оценить границы патриотического подъема в Российской империи, его эмоциональное и функциональное проявления в городе и деревне.

В целом, говоря о степени изученности темы диссертации, можно заключить, что на данный момент как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствует комплексное исследование феномена патриотического подъема во всех трех странах Антанты во время Первой мировой войны, при этом сама проблематика «человеческого» измерения этого конфликта характеризуется наличием целого ряда остро дискуссионных вопросов.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно представляет собой первую в отечественной литературе попытку сравнительного анализа реакции на начало Первой мировой войны населения России, Англии и Франции. Отмеченные нами тенденции к «нормализации» данной проблемы и дискуссии вокруг самого факта существования патриотического подъема в начале войны недвусмысленно говорят о необходимости дальнейшего изучения выбранной нами темы, а сравнительный анализ опыта трех стран позволяет сделать это на качественно новом уровне. Только через сравнение и сопоставление социально-психологического опыта населения великих держав, в данном случае –

⁴¹ Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. (1914-1917). Рязань, 2004; Чертищев А.В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны. (Июль 1914 – март 1918). М., 2006; Лавринович Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть, 1912 – март 1917 г. Могилев, 2006; Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте, 1907-1917. М., 2009; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. (1914-весна 1917). М., 2003; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003; Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта. 1898-1914. М., 2008.

⁴² Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Она же. Российский крестьянин в Первой мировой войне (1914-февраль 1917) // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001; Она же. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. №2.

⁴³ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России... С. 106-166.

стран Антанты, в начале Первой мировой войны можно понять природу так называемого «настроения 1914 г.», ответить на вопрос о сущности и масштабе патриотического подъема в рассматриваемый период.

Важно отметить, что диссертация опирается на широкий массив архивных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Прежде всего, речь идет о документах из французских и российских архивов, представленных донесениями префектов, письмами современников, отчетами и донесениями сотрудников русского и французского МВД и МИД. Они позволяют не только воссоздать сложную и неоднозначную картину реакции современников на начало Первой мировой войны, но и изучить динамику изменений общественных настроений в странах Антанты.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее материалов при подготовке новых исследований, создании общих и специальных курсов как по истории международных отношений, так и по истории Англии, Франции и России. Предпринятое исследование затрагивает целый комплекс проблем, связанных с определением места и роли социальных и идеологических факторов в формировании внешнеполитических курсов государств и определении специфики международных отношений в тот или иной период времени, который не только не потерял своей значимости в настоящий момент, но и, наоборот, начинает привлекать все большее внимание политологов и историков-международников. Изучение под этим ракурсом событий, связанных с началом Первой мировой войны, открывает перспективы для углубления и совершенствования методологии исследований современных международных отношений.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите 10 сентября 2013 г. на заседании кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основные выводы диссертации отражены в шести научных публикациях, включая три статьи в журналах, рецензируемых ВАК РФ, а также материалах Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура и содержание диссертации соответствуют целям и задачам исследования, которое построено по проблемному принципу. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения с иллюстрациями.

Во *введении* обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, цели, задачи, хронологические рамки и методологическая база исследования, проанализированы источники, выявлены научная новизна и степень изученности проблемы.

В первой главе «Общественный консенсус как основа патриотического подъема: страны Антанты во время Июльского кризиса 1914 г.», состоящей из двух параграфов, изучаются общественные настроения в Великобритании, Франции и России в период нарастания международной напряженности накануне и в первые дни Первой мировой войны. В центре внимания находится проблема складывания общественного консенсуса по вопросу о войне.

Уже в начале Июльского кризиса 1914 г. в полной мере проявилась крайняя неоднородность общественного мнения в рассматриваемых странах. С одной стороны, обозначилась фундаментальная близость мировоззренческих установок правящих элит в Англии, Франции и России, в частности, представлений о сущности великодержавного статуса и о войне как главном способе поддержания этого статуса. Как следствие, правительства всех трех стран развернули активную тайную дипломатическую и военную подготовку к войне. С другой стороны, по мере нарастания международной напряженности активизировалась антивоенная оппозиция. Против войны выступали социалисты, анархисты, пацифисты, часть либералов. Большой противоречивостью отличались настроения широких слоев городских и сельских обывателей.

На первый взгляд, наиболее быстро и безболезненно консенсус по вопросу о войне сложился в Российской империи. В его основе лежали глубоко укоренившиеся представления о Балканах как средоточии имперских интересов, о моральной ответственности России за судьбы балканских народов. Эти коллективные ценности настоятельно требовали решительного вмешательства России в австро-сербский конфликт. После нападения Австро-Венгрии на Сербию 28 июля в России фактически не осталось влиятельной публичной оппозиции войне. Большинство средств массовой информации заняли воинственную позицию по отношению к Австро-Венгрии и требовали от царского правительства самых решительных мер для защиты Сербии.

Однако общественного консенсуса в масштабах всей страны в России накануне непосредственного начала боевых действий так и не сложилось. Консенсус охватил в основном лишь политические элиты и интеллигенцию империи, которые разделяли отмеченные выше ценности. Отношение же к войне широких народных масс городских и сельских обывателей оставалось загадкой для современников вплоть до получения первых сообщений об успешном ходе мобилизации. Эта специфика ситуации в Российской империи, на наш взгляд, объяснялась не только такими объективными обстоятельствами, как сравнительно низкая грамотность широких слоев населения (особенно сельского), что оставляло их во многом равнодушными перед пропагандистской шумихой в средствах массовой информации и затрудняло восприятие ими причин и целей новой войны, но и принципиальным отличием в характере и способах коллективной самоидентификации этих слоев от ценностей и идентичностей имперских элит.

Иначе развивалась ситуация в Англии и Франции. Там и в начале августа 1914 г. не утихали ожесточенные споры между сторонниками и противниками войны. Антивоенная оппозиция организовывала массовые акции протеста и, казалось, опиралась на широкую общественную поддержку. Однако затем, в течение буквально нескольких дней (в Англии – 2-3 августа, во Франции – 1-3 августа), происходит резкий перелом в настроениях общества. Война неожиданно становится популярной, приобретает характер общенационального дела. Подтверждением этому служат массовые демонстрации в ее поддержку, резкое падение популярности антивоенных призывов со стороны либералов и социалистов. Таким образом, в Англии и Франции еще до формального начала боевых действий складывается по-настоящему широкий общественный консенсус по вопросу о войне, который становится основой для патриотического подъема в этих странах в последующие дни и недели.

Крах антивоенной оппозиции, установление широкого общественного консенсуса в Англии и Франции стали возможны потому, что внешний вызов, исходивший от Германии, самым непосредственным образом затронул все те представления и ценности, что составляли самую основу коллективной самоидентификации всего населения этих стран. Именно поэтому нарушение Германией нейтралитета Бельгии 3 августа 1914 г. было воспринято в Англии как личное дело отнюдь не только политической элитой или интеллигенцией, но и широкими слоями городских и сельских обывателей. Это был вызов идеалам свободы, справедливости, «честной игры», на которых строились представления

об английском национальном характере, особой английской нации. Перед этим вызовом бледнели пацифистские идеалы, отодвигались на второй план русофобские взгляды радикалов и лейбористов. Во Франции события Июльского кризиса показали, что для ее граждан поколения 1914 г. самоидентификация как француза была гораздо важнее любых политических, классовых или религиозных идентичностей. Угроза со стороны Германии была угрозой всей французской нации, и она ответила на него сплочением перед внешней опасностью.

Во второй главе «Патриотический подъем и проблемы пропаганды в странах Антанты», состоящей из трех параграфов, изучается деятельность средств массовой информации в странах Антанты, направленная на мобилизацию общественных настроений в тылу, в которой отразился процесс осмысления современниками феномена патриотического подъема, поиск и формулирование ими его идейных оснований.

После начала военных действий средства массовой информации были вынуждены действовать в условиях жестких цензурных ограничений. Неинформативность официальных сообщений и отсутствие иных стабильных источников новостей имели далеко идущие последствия не только для прессы, но и для воюющих обществ в целом. Во всех трех странах Антанты широкие слои населения, а подчас и правящие круги, имели совершенно искаженную картину реалий окопной войны, не знали подробностей военных операций и лишь в самых общих чертах представляли себе их последствия.

С содержательной точки зрения в пропаганде стран Антанты можно условно выделить два общих направления. Первое из этих направлений концентрировалось на внутренних коллективных образах, ценностях и идентичностях, на представлениях общества о самом себе. Второе направление отвечало потребности в самоопределении через противопоставление воюющих обществ иному, в данном случае его крайнему проявлению – врагу.

Рассмотрение наиболее популярных образов, сюжетов и мотивов пропаганды в странах Антанты показало, что в осмыслении современниками событий Первой мировой войны, феномена патриотического подъема, ключевую роль играл национализм, национальный способ самовосприятия и, как следствие, восприятия внешних вызовов. Это проявлялось как в пропагандистской риторике, так и в самом выборе пропагандистских сюжетов. Новая война рисовалась во всех странах Антанты как принципиальное столкно-

вание целых народов, наций, рас. В то же время, уже изучение материалов пропаганды показало, что в странах Антанты не было единой, универсальной трактовки понятий «нация» и «национализм», подходы к их определению различались от страны к стране.

Так, анализ материалов пропаганды позволяет заключить, что конкретно-историческая специфика французского национализма периода Первой мировой войны характеризовалась сочетанием гражданского и этнического подходов к трактовке понятия «нация». Первый подход, восходящий к традициям Великой французской революции, проявился в том, что «центром кристаллизации патриотических чувств» стал образ национального государства, образ Франции. Пропаганда рисовала эту войну как войну всего французского народа. Народа, гордящегося своей историей и не забывшего горечи поражений 1870-1871 гг., народа, воплотившегося в новом, молодом поколении французов. Для патриотизма, основанного на подобной трактовке национализма, были типичны представления о гражданском равенстве, долге и ответственности, самопожертвовании, теснейшая связь с историческим опытом, наследием и традициями. Гражданский подход оттенялся вторым, этническим, который получил мощный импульс к развитию в связи с началом войны и активной разработкой образа врага-немца, сравнением национальных характеров немцев и французов. Согласно ему принадлежность к французской нации подразумевала и принадлежность к соответствующему этносу, в определении которого большую роль играли расистские и социал-дарвинистские теории, мистицизм, религиозное мессианство.

В случае Англии в трактовке понятия «нация» преобладал гражданский подход. Его отличительными чертами были идеи социальной дисциплины, подчинения личных интересов коллективным, гражданской ответственности. В центре комплекса ценностей и идентичностей, вместе составлявших феномен английского национализма периода Первой мировой войны, лежали идеи о существовании особой английской культуры, образа жизни, цивилизации. Они были интегрирующими элементами имперской светской идеологии. Доказательством их превосходства и истинности в глазах современников являлась сама Британская империя, объединившая миллионы людей во всех частях света. Это имперское по своей сути мировоззрение характеризовалось ярко выраженным мессианством, представлениями об исторической миссии англичан как проводников цивилизации, культуры и прогресса. Это мессианство, впрочем, носило скорее светский, чем религиоз-

ный характер. Особой миссией англичан признавалась забота о поддержании мира в Европе, средством достижения чего была защита принципа баланса сил.

В Российской империи идея вызванного войной национального возрождения интерпретировалась с позиций традиционно-монархических ценностей, в которых ключевую роль играл образ монарха. Совершенно в духе феодальных представлений именно царь рисовался в пропагандистских публикациях как подлинный символ русского народа, воплощение его духа и выразитель его воли. Иными словами, не царь получал легитимность через признание своей власти народом, а народ обретал свою идентичность, строил свое национальное самовосприятие на принципе лояльности монарху. На наш взгляд, эта риторика о «национальном возрождении», «национальном характере» в русской пропаганде рассматриваемого периода скрывала под собой попытку встраивания специфического «проекта» национального строительства в рамках империи Романовых в традиционный комплекс монархических ценностей без их кардинального пересмотра.

В центре внимания в третьей главе *«Патриотический подъем в среде политической элиты и интеллигенции в странах Антанты: феномен «священного единения»*, состоящей из двух параграфов, находится изучение коллективных ценностей и идентичностей, присущих представителям различных групп политических и интеллектуальных элит России, Франции и Англии, которые ярко отразились в феномене «священного единения» и которые во многом предопределили границы и характер общественного консенсуса по вопросу о войне в каждой из стран.

Первая реакция политических элит и интеллигенции на начало Первой мировой войны характеризовалась и в Англии, и в России, и во Франции широким подъемом патриотических чувств и развивалась, в сущности, в одинаковых функциональных формах. Был провозглашен лозунг «священного единения», который содержал призыв ко всем политическим силам прекратить на время военных действий борьбу за власть, объединить свои усилия с целью отражения внешней угрозы. В августе-сентябре 1914 г. законодательные собрания единогласно принимали военные кредиты, провозглашали необходимость войны до победного конца. Вчерашние политические противники демонстративно отвергали прежние разногласия и включались в благотворительную и пропагандистскую работу; многие представители политических элит и интеллигенции уходили добровольцами на фронт.

Однако очень скоро это первоначальное патриотическое воодушевление стало отходить на второй план, все более отчетливо начинали проявляться тенденции к эрозии «священного единения». Осенью 1914 – весной 1915 гг. все страны Антанты столкнулись с одинаковыми непредвиденными проблемами, которые были порождены принимавшей затяжной характер войной. К их числу следует отнести дезорганизацию хозяйственно-экономической жизни, трудности со снабжением тылового населения, необходимость содержать массовые армии и оказывать материальную поддержку семьям военнослужащих, вводить и ужесточать регламентацию отношений в промышленности. От того, насколько эффективно правящие элиты справлялись с этими новыми вызовами времени, прямо и непосредственно зависело морально-психологическое состояние тыла.

В то же время острота этих проблем не была одинаковой для всех стран Антанты. Она определялась их геостратегическим положением, степенью участия в военных действиях, особенностями политической структуры, поэтому неизбежный процесс постепенной эрозии общественного консенсуса протекал в них с разной интенсивностью и имел для них различные последствия. В полной мере границы «священного единения» обозначились весной 1915 г. в Российской империи, где в среде политических элит и интеллигенции происходило ожесточенное столкновение различных политико-национальных «проектов», отражавшее незавершенность и противоречивость процессов национального строительства в империи Романовых. Все более заметным становились как отсутствие общей, цементирующей российское общество или хотя бы его правящие слои, идеологии – надклассовой, надпартийной идентичности, так и изоляция, отчуждение правящих групп от остальной политической элиты и общества.

В Англии и Франции к лету 1915 г. также успели проявиться тенденции к эрозии «священного единения». Однако в то же время патриотический подъем первых дней и недель войны выявил фундаментальное идеологическое, культурное единство, отличавшее всех представителей правящих классов в этих странах, вне зависимости от их политических воззрений. Первая мировая война показала, что для поколения европейцев 1914 г. самоидентификация в качестве «француза», «англичанина», «немца», была гораздо важнее, чем принадлежность к той или иной партии, классу или течению. Оппозиция правящим кабинетам не видела в них в тот период своего принципиального идеологического врага, не ставила под сомнение законность и необходимость защиты нации от внешней агрессии, провозглашенной в начале войны. Равно и правящие круги Англии и Франции

проявили гибкость и готовность к диалогу, пойдя на расширение состава правительств за счет представителей оппозиции. В итоге, весной 1915 г. в среде политических элит и интеллигенции Англии и Франции тенденции к единству действий возобладали над всеми прочими интересами, личными и партийными.

В четвертой главе *«Особенности патриотического подъема в среде городских и сельских обывателей в странах Антанты в 1914-1915 гг.»*, состоящей из двух параграфов, изучается реакция на войну крестьян, рабочих, мелких и средних предпринимателей, всех тех, кого в источниках и историографии традиционно характеризуют как «широкие народные слои», «народные массы».

Именно в реакции городских и сельских обывателей с наибольшей яркостью проявились национальные особенности коллективных ценностей и способов самоидентификации, которые отличали общества Англии, Франции и России. В Российской империи основой патриотического подъема в среде городских и сельских обывателей продолжали оставаться традиционные представления о династической лояльности и религиозной общности. Сама война оставалась в общем малопонятной, ее причины и цели были чужды широким слоям населения. Ее принятие основывалось, главным образом, на понимании ее как справедливой, оборонительной.

Во многом схожими мотивами обуславливался патриотический подъем и во Франции. Для французов новая война носила оборонительный характер, они чувствовали себя жертвами неспровоцированной агрессии. В то же время, во Франции патриотический подъем и в случае элит, и в широких слоях населения носил ярко выраженный национальный характер, в его основе лежало коллективное самовосприятие в качестве особой исторической общности, единой нации. Необходимость ее защиты оказалась одинаково понятной и близкой как городским обывателям (в том числе рабочим), так и сельским жителям.

В полной мере значение национализма в формировании коллективных идентичностей «поколения 1914 г.» проявилось в Англии. Несмотря на страхи многих современников, реально территория Британских островов находилась вне опасности полномасштабного вторжения неприятеля; не стала Англия и жертвой неспровоцированной агрессии, объявив Германии ультиматум, чье невыполнение и вовлекло страну в войну. Поэтому мотив защиты родной земли мог играть в формировании отношения

англичан к войне лишь второ- или третьестепенную роль. И, тем не менее, в глазах большинства англичан новая война выглядела справедливой и необходимой. Справедливой потому, что действия Германии, нарушившей нейтралитет Бельгии, как показали события Июльского кризиса и перипетии складывания национального консенсуса в Англии, бросали вызов всему комплексу ценностных установок, составлявших основу воспитания и мировоззрения англичан поколения 1914 г., не только высших классов, но и городских и сельских обывателей. Необходимой потому, что защита этих ценностей, защита «цивилизации», которую они составляли, казалась столь же важной, как и защита территории своей страны. Именно необходимость защиты национальной идентичности стала той связующей общество идеей, которая и сделала возможным вовлечение страны в войну и обусловила прочность общественного консенсуса по вопросу о войне.

Эти особенности коллективных ценностей, лежавших в основе патриотического подъема, во многом предопределили дальнейшее развитие внутривнутриполитической и социальной ситуации в странах Антанты к весне 1915 г. В России военные неудачи и экономические трудности влекли за собой постепенное падение авторитета династии и традиционных коллективных лояльностей в глазах широких слоев населения империи. Заменить их никакая другая идеология в тот момент не могла. Это вело к эрозии общественного консенсуса по вопросу о войне, нарастанию кризисных тенденций в русском обществе.

Большей устойчивостью отличался консенсус в английском и французском обществе. И в Англии и во Франции к весне 1915 г. открытые проявления патриотического подъема фиксировались все реже, им на смену приходило безразличие, равнодушие и усталость. Нарастали социальные и политические противоречия. Однако в западноевропейских странах падение авторитета правительства, вызванное неудачами на фронтах, проблемами со снабжением, политическими просчетами (реальными или казавшимися таковыми) не влекло за собой автоматической эрозии национального консенсуса, поскольку в его основе лежала не преданность династии, конкретному лидеру или кабинету, а верность национальному государству, нации.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются выводы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вопреки распространенным в современной западной историографии утверждениям о «мифе 1914 г.», существование патриотического подъема в странах Антанты можно считать установленным фактом, более того, этот подъем не был уделом только политических и интеллектуальных элит, не ограничивался населением крупных городов, столиц, а представлял собой массовую реакцию населения европейских держав на начало в 1914 г. новой войны.
2. Наиболее важными и репрезентативными проявлениями патриотического подъема в первые месяцы войны были: успешная и быстрая мобилизация армий континентальных держав, массовый приток добровольцев в английскую армию, повсеместное прекращение стачек и забастовок в промышленности, масштабная благотворительная деятельность, резкое снижение накала политических противоречий и классовой борьбы. Эти формы реакции на события Первой мировой войны были присущи как городским, так и сельским жителям; как политическим и интеллектуальным элитам, так и обывателям.
3. Патриотический подъем во всех трех странах Антанты не был лишь кратковременной аффектацией или массовой истерией, а опирался на широкий общественный консенсус по вопросу о войне.
4. Характер и границы этого консенсуса разнились от страны к стране, поэтому утверждение, что патриотический подъем был подлинно массовой формой реакции современников на начало войны, не должно вести к излишнему упрощению этого феномена и, соответственно, ошибочному упрощению картины настроений в европейских обществах рассматриваемого периода. Ключ к пониманию уникальной морально-психологической атмосферы, сложившейся в Англии, Франции и России в начале Первой мировой войны дает изучение и сопоставление реакции на войну представителей различных социально-функциональных групп их населения.
5. В Англии и Франции в основе коллективной самоидентификации всех слоев общества, лежали специфические, глубоко укоренившиеся представления о национальной идентичности, национальное, по своей сути, коллективное самовосприятие. Конечно, английский национализм рассматриваемого периода достаточно сильно отличался от французского. Например, английский национализм характеризовался ярко выраженным мессианским настроением, англичане воспринимали себя как народ, исторически ответственный за поддержание мира и баланса в Европе и стоящий на стра-

же цивилизации и прогресса. Мессианство, восходившее к традициям Великой французской революции, не было чуждо и французскому национализму, однако оно в большей степени оттенялось религиозно-мистическими и социал-дарвинистскими идеями, что отражалось в прославлении молодости, энергии, войны как способа пробуждения жизненных сил народа, агрессивном противопоставлении себя всему немецкому. И все же и в Англии и во Франции в центре коллективной лояльности находился образ национального государства, особой исторической, политической и культурной общности.

6. В России национализм как основа коллективных идентичностей не был характерен даже для всех групп политической и интеллектуальной элиты империи. В их среде, с одной стороны, происходило крайне ожесточенное столкновение различных, подчас взаимоисключающих, «проектов» национального строительства, что в итоге вело лишь к росту конфликтности в российском обществе, а с другой стороны, большое значение сохраняли традиционные способы коллективной самоидентификации, построенные вокруг династической лояльности. Еще большее значение имели эти традиционные ценности для широких слоев городских и сельских обывателей в Российской империи. Именно вокруг них, главным образом, строился в России общественный консенсус по вопросу о войне, именно они задали границы этого консенсуса, а вместе с ним и патриотического подъема.

Анализ эволюции общественных настроений в странах Антанты, от первоначального шока в период Июльского кризиса 1914 г. к широкому общественному консенсусу августа-сентября того же года и его последующей постепенной эрозии к лету 1915 г., показывает чрезвычайно сложную природу патриотического подъема периода Первой мировой войны. Подъем этот был результатом теснейшей взаимосвязи и кодетерминации объективных и субъективных, долгосрочных и конъюнктурных факторов: долговременных процессов развития коллективных идентичностей и эмоционально-психологических потрясений, вызванных новой войной; специфики геополитического положения той или иной страны, особенностей ее экономического и социального развития и перипетий военных действий в 1914-1915 гг. Конкретно-историческое сочетание этих факторов и определяло прочность общественного консенсуса по вопросу о войне, характер и особенности патриотического подъема в той или иной стране.

Публикации по теме диссертации

Статьи в изданиях, рецензируемых ВАК РФ:

1. Юдин Н.В. **Общественные настроения во Франции в начале Первой мировой войны (по донесениям префектов) // Вестник МГУ. №3, 2013. С. 80-91.**
2. Юдин Н.В. **Реакция английского общественного мнения на Июльский кризис 1914 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №3. Часть 1. - Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. С. 214-220.**
3. Юдин Н.В. **Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (август-декабрь 1914). // Известия Саратовского университета. Серия История, Международные отношения. Т. 12. Выпуск 3. Саратов: Изд-во СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 2012. С. 50-59.**

Другие публикации:

4. Юдин Н.В. «Проблема подготовленности общественного мнения стран Антанты к войне на примере «Газетной войны» 1914 года». Тезисы. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2011. ISBN 978-5-317-03634-8]
5. Юдин Н.В. «Полемика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе 1913 г.: к вопросу об общественных настроениях во Франции накануне Первой мировой войны» // *Per Aspera...* Вып. 3. М., 2011. С.155-168.
6. Баринов И.И., Юдин Н.В. **Становление европейских экспертно-аналитических сообществ в годы Первой мировой войны (на примере Великобритании, Франции и Германии) // Исторический журнал: Научные исследования. №2, 2013. С. 194-200.**